

К 80-ЛЕТИЮ ПетрГУ КАК ЭТО БЫЛО... 231

**Олег
ЦЕЛЕБРОВСКИЙ**
г. Петрозаводск

МОЙ УНИВЕР

Забавно, но в годы моей молодости выражение «получить вышку» могло означать две очень разные вещи: либо смертную казнь, либо получение диплома о высшем образовании. Возможно, эзотерики могут даже найти некую сакральную связь между этими двумя итогами, диванные философы могут порассуждать о том, какие верные и неверные шаги должен сделать человек, чтобы достичь одного или другого... Я знаю точно одно: путь ко второму, в отличие от первого, лежал через вуз и занимал как минимум пять лет. И если смертной казнью всё заканчивается, то окончание вуза – это выход в новую, рабочую жизнь. Правда, сам процесс обучения, студенчество – удивительный и неповторимый жизненный этап. Недаром вуз часто называют альма-матер. Дословно – кормящая мать. У меня этим вузом был ПГУ (теперь ПетрГУ), в котором я учился с 1978 по 1983 год. А эти пять лет были, наверное, одними из самых счастливых в жизни.

**Эй, студент, скажи, зачем ты поступал?..
Для чего ты набирал высокий балл?**

На самом деле в подзаголовке – фраза из песни, которую написал и лихо исполнял наш факультетский ВИА под названием «Синус». Но об этом чуть позже. Важно, что ответ на этот вопрос в конце семидесятых прошлого века мог быть очень разным.

Вообще, высшее образование почему-то считалось престижным. Несмотря на то что инженер, врач или учитель получали зарплату в разы меньшую, чем выпускники профтехучилищ – сварщики, токари и уж тем более сантехники, которых вполне можно было называть Сан-Техник, в смысле – святой техник. Как и положено святым, к людям они являлись редко и за три рубля творили чудеса...

То есть один из мотивов – просто иметь высшее образование. Потому что – престижно. Не важно, какое именно. Мне кажется, наиболее осознанный выбор делали те, кто шел на медицинский. Поступить туда было гораздо сложнее, чем на какой-нибудь лесоинженерный, куда, кстати, я и поступил...

Второй немаловажный мотив – армия. Точнее, желание туда не попасть. Студентам вузов предоставлялась так называемая отсрочка. Если в вузе была военная кафедра, то по окончании заведения студенты на срочную службу не попадали, а получали звание лей-

тенантов запаса. Встречались и те, кто сознательно после окончания вуза шел служить офицером. У военных тогда зарплаты были весьма приличные по сравнению с гражданскими.

Ну, конечно, при поступлении нельзя исключать и мотив полностью осознанного выбора своей будущей профессии. Правда, таких людей я не встречал. Что, впрочем, не означает, что их не было...

Наверняка был какой-нибудь человек, поступивший на сельхоз и мечтавший поднять-таки с колен сельское хозяйство Карелии, а то и страны. Наверняка! Просто я с ним не встретился. Не повезло...

Само поступление было штукой сложной. Мало того что надо было сдать вступительные экзамены, надо было еще набрать проходной балл – сумма всех оценок за экзамены плюс так называемый средний балл аттестата – среднеарифметическое школьных оценок, выставленных в аттестате об окончании средней школы.

При таких условиях в выбранный мною ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт я не поступил, а поскольку через год мне светила армия, я направил свои стопы в наш ПГУ.

В 1978 году я из нервного абитуриента превратился в уверенного в себе студента лесоинженерного факультета, отделения «машины и механизмы лесной и деревообрабатывающей промышленности». Ура!

Совхоз

Первокурсники едут в совхоз. Это был закон. Сельскому хозяйству надо было помогать, даже если ты не студент сельхоза. Даже если ты не тот самый, который выбрал своей целью – поднять с колен сельское хозяйство.

Совхоз сплавивал первый курс. В совхозе мы находили друзей. Это было, мне кажется, проще и правильнее, чем искать их уже во время учебы... Совхоз – это был этакий трудовой фронт, а фронт, как известно, сближает...

Мы собирали картошку на раскисших полях, грузили её на машины, разгружали в хранилища...

Я так тогда поднаторел в погрузочно-разгрузочных манипуляциях с мешками, наполненными картошкой, что когда на четвертом курсе, на практике, в одном из леспромхозов Калининской области меня попросили помочь профессиональным грузчикам ОРСа (Отдел рабочего снабжения), я презрительно остановил их жестом и разгрузил машину с картошкой в три раза быстрее, чем это обычно делали они.

В принципе, благодаря универу я мог бы сделать головокружительную карьеру грузчика, но все же стал инженером.

А еще в первом совхозе наша небольшая бригада

грузчиков попала работать на сортучасток. Это была просто высшая картофельная математика. Картофель на сортучастке строго делился по сортам. Нельзя было допустить, чтобы, скажем, картофеля сорта «Восток» попала в засек, где лежал сорт «Детско-сельский»... Тогда я выучил, наверное, с десятков сортов и потом еще долго на рынках бравировал этим, надменно заявляя какому-нибудь продавцу:

– Да это «Восток», не... его лучше не брать. Крахмалистый... «Детскосельский» поищу...

Продавец почему-то, как правило, кавказской внешности, вообще с трудом понимавший, где восток, а где запад, смотрел на меня ошарашенно и униженно молчал, припечатанный моими агрономическими знаниями...

В совхозе каким-то непонятным образом зародилась наша музыкальная группа «Синус». Правда, вначале мы, напивавшись картофельно-полевой романтикой, назвали её «Disturbing sack», что, по нашему мнению, означало «Тревожный мешок». Но это название не прижилось.

В совхозе я подружился с Сергеем Шаховым – уникальным человеком, с которым дружу и по сей день. Хотя мы оба уже и пенсионеры...

Фестиваль

Общественная жизнь в университете была ключом. Факультет общественных профессий, теория решения изобретательских задач (ТРИЗ), фотостудия, хор, театр... Всё и не упомню, но, главное, каждый год проходил общеуниверситетский фестиваль «Юморина».

Каждый факультет представлял свою программу. Обычно это был некий капустник. ЛИФ же делал музыкальные спектакли. Наша молодая, только что сформированная рок-группа мгновенно вписалась в подготовку к очередному фестивалю и так и продолжала заниматься «Юморинами» до четвертого курса. Потом их, кажется, прикрыли...

Но мы тогда – гремели! Вообще, на фестивальные выступления было не пробиться. Актный зал университета напоминал троллейбус в час пик. Сидели на полу, на подоконниках, стояли в дверных проемах...

Мы – участники «Синуса», уже творчески выросли, стали писать сценарии, принимать участие в спектаклях в качестве актеров...

В одном из спектаклей я играл спецагента. Звали меня Джеймс Мартенсит. Вообще, мартенсит – это фаза железо-углеродного сплава. Металловедение – наука непростая, и её изучение наложило на нас такой отпечаток, что обойти её даже на «Юморине» мы не могли.

Итак, в одной из сцен мой герой должен появиться сверху. Раздается звук летящего вертолета, из-за

верхней шторы падает веревочная лестница, и по ней спускается суперагент Джеймс Мартенсит... Так это должно было выглядеть. Но штангета, к которой была примотана кое-как связанная из бельевых веревок лестница, заела на полпути. В результате, когда открылся занавес, первые ряды в зале видели меня, лихорадочно цепляющегося за расплывающуюся подо мною лестницу – целиком, что почему-то вызвало у них дикий хохот, еще несколько рядов видели мои болтающиеся ноги, и только последние ряды, которые были расположены выше и для которых я был все же скрыт за шторой, никак не могли взять в толк, почему стоит такой ржач.

В восьмом ряду сидели приглашенные мною мама и теща. Когда занавес открылся, мама всмотрелась в актеров на сцене и спросила у тещи: «А где Олег-то?»

«А вот он под потолком болтается», – отозвалась теща. После этого мама уже не ходила на наши «Юморины». Чтобы не переживать лишнего.

Еще одна «вышка»

В университете было очень много хорошего и интересного, но там еще надо было и учиться, а потом сдавать зачеты и экзамены. Это угнетало. Но деваться было некуда. Точнее, деваться можно было в армию, но тогда весь смысл поступления терялся.

Нашу специальность – «машины и механизмы» можно было бы определить как – «всё».

Ну, подумайте сами, машины и механизмы – это от химии до алхимии. Здесь всё – и топливо, и материаловедение, и технология, и конструирование... Но специальные дисциплины – это так, семечки по сравнению с общими. Например, яркий неизгладимый след оставила в душе всех студентов нашего потока высшая математика. В просторечии опять же – «вышка». Вот тут аналогия со смертной казнью напрашивалась прямая.

Лекции по «вышке» читала преподавательница, обладающая, мягко говоря, не очень хорошей дикцией, но при этом говорившая и писавшая на доске с феноменальной скоростью. Решить дилемму, что лучше – слушать и пытаться понять или стараться успеть записать то, что на доске, пока оно не стерт, было нелегко. Оставался еще третий путь – не писать и не слушать. Он был самым простым, но и самым рискованным. Ведь потом надо экзамен сдавать...

Иногда преподавательница вдруг отворачивалась от доски и делала молниеносный глубокий рейд по рядам, заглядывая в тетрадки – как там конспекты пишутся? Долго еще у меня валялась толстая тетрадь, где все записи состоят из пары слов, написанных вверху левой страницы. Это означало, что преподавательница метнулась в глубь аудитории с проверкой, а я вроде как тщательно

веду конспект и только что исписал одну сторону тетрадной страницы и вот перевернул лист и перешел на другую.

Говорят, много студентов ушли в Вооруженные силы из-за этой преподавательницы. Более того, ходила по лесотехническому факультету легенда, что был один студент, вылетевший из-за «вышки», отслуживший в армии и восстановившийся. И вот этот волевым человеком решил, что теперь-то он будет во что бы то ни стало вести конспект по математике!

Он сел на первый ряд и начал изо всех сил пытаться разобрать, что говорит преподавательница, и успевать записывать за ней, но потом швырнул ручку, упал лицом на парту и забился в истерику, выкрикивая: «Не могу! Не могу!!!»

Легенда не легенда, а был момент, когда «вышку» у нас завалило более половины потока. А поток – 75 человек!

У меня же вообще отношения с математикой не заладились сразу. Помню, пришел я на экзамен, взял билет, прочитал вопросы и говорю: «Так это же не нашего курса билет!»

Преподавательница посмотрела на меня с улыбкой и сказала: «Вообще-то, вашего...»

Я тепло попрощался и пошел искать конспекты, чтобы подготовиться к пересдаче...

Бревно плышет

Наш деканат нас любил. Могу только добрым словом вспомнить декана Владимира Васильевича Шильникова, его заместителя – Владимира Павловича Нефедова. Они всегда были справедливы к студентам. Да и вообще, преподавательский состав ЛИФа был, как мне кажется, одним из лучших. Впрочем, судить сложно, поскольку я же не учился у преподавателей специальных дисциплин других факультетов.

Были у нас всякие диаматы, истматы и даже история КПСС, но терпимо, терпимо... Науки неточные, можно наболтать чего-нибудь. Для сдачи экзамена по истории КПСС уже знания газетных заголовков хватало на «удовлетворительно».

Уже тогда в университете имелся вычислительный центр, а мы изучали дисциплину – «вычислительная техника». Это было время, когда слово «компьютер» лишь изредка встречалось в фантастических романах, а в отечественной терминологии гордо звучало слово ЭВМ – электронно-вычислительная машина! Тогда и калькуляторы-то только-только появились в общем пользовании, и, помню, наш преподаватель гидравлики постоянно проверял наши расчеты, сделанные на странных маленьких машинках, с помощью логарифмической линейки. При этом он всегда искренне удивлялся, что результаты сходятся!

Поэтому и тогдашние ЭВМ совершенно не походи-

ли на компьютеры, и изучение вычтехники не казалось необходимым будущим лесоинженерам.

Когда мы с Сергеем Шаховым пришли на первое занятие по вычтехнике, преподаватель объяснял принципы двоичного и восьмеричного исчисления. Мы быстро все поняли, пришли к выводу, что пока нам на этих занятиях делать нечего, и уверенно прогуляли пару недель. Когда мы пришли после перерыва, то ощутили себя средневековыми бурсаками в храме науки 20-го века. Преподаватель рисовал на доске какие-то значки, напоминавшие клинопись, и говорил странные слова и фразы: «Дизъюнкция, конъюнкция, логическое отрицание...»

Вполне логично, что и нам пришлось заняться отрицанием, и мы снова ушли в прогулы...

Но, как ни прискорбно, а зачет по вычтеху надо было сдавать. А чтобы его сдать, необходимо решить с помощью каких-то странных методов задачу – одну на двоих.

В подробностях не помню, но что-то там было про бревно, сплавляемое по реке... То ли надо было понять, когда оно наконец утонет совсем, то ли оценить вероятность его прибытия на нижний склад... Важно, что задачу надо было решить с применением тех самых знаний по вычтехнике, которых у нас не было.

Взяв бумажку с заданием, мы направились в вычцентр. Там одетый в белоснежный халат лаборант рассеянно на нас посмотрел, подвел к какому-то шкафу, который, как выяснилось, и был той самой ЭВМ с гордым и непонятным именем «Проминь», и предложил решать задачу.

Мы с Сергеем тупо смотрели на маленькие ящички, в которых лежали штекеры с арифметическими знаками и цифрами. Всё это напоминало типографию подпольно издававшейся газеты «Искра»...

В общем, мы малодушно спасовали перед достижением научного прогресса по имени «Проминь» и покинули вычцентр.

У Шахова были какие-то знакомые на физмате, и он клятвенно утверждал, что всё будет решено. И правда, через несколько дней он притащил маленький клочок бумаги, на котором типографским шрифтом было написано что-то вроде: $13+7=18$.

– Это что? Шифр русской «пианистки»? – попробовал догадаться я.

– Это решение задачи про бревно, – неуверенно сказал Серега. – На физмате сделали. Можно идти сдавать зачет.

Поскольку у меня на тот момент были долги покуче вычтехники, я в первую очередь сосредоточился на них. И вдруг в какой-то момент Шахов мне говорит, что он сдал вычтех! С первого раза! И это тогда, когда почти вся группа ходила сдавать по три раза. И это тогда, когда никто так и не открыл нам тайны конъюнкции и дизъюнкции...

– Я тебя научу, – сказал Серега. – Пошли.

И потащил меня в общежитие медфака, где, оказывается, жил наш преподаватель по вычтеху с женой и маленьким ребенком.

Мы постучали в дверь, за ней раздался детский плач, она открылась, и из-за нее наполовину высунулся наш вычтехник в майке.

– Тихо! – умоляюще прошептал он. – Вам чего?

– Вот, – тоже шепотом ответил я и протянул ему бумажку с нашей задачей и физматовскую шифровку с загадочными числами.

Он посмотрел на них и тихо и даже, как мне показалось, грустно спросил:

– А вы с этим согласны?

Во как! Согласен ли я с физматом и ЭВМ «Проминь» или же все-таки полученные в школе знания арифметики настраивают всё мое существо против утверждения, что $13+7=18$?

Я так и не понял, что я тогда ответил. То ли отрицательно помотал головой, но сказал «да», то ли, наоборот, кивнул и сказал нет... Прикинулся болгаринном. Но главное, что я сунул преподавателю зачетку и он, чтобы я вдруг громко не заговорил и не разбудил ребенка, поставил «зачет».

С тех пор я навсегда уверен, что лучшее, что у нас есть, это дети.

Три зеленых свистка

На втором курсе началась «военка» – занятия на военной кафедре.

Всем был отдан приказ – коротко постричься. Иначе к занятиям не допускали.

Один наш однокурсник решил, что уж совсем коротко-то стричься не надо. Он пошел в парикмахерскую и сделал так называемую модельную стрижку. Ему даже, по-моему, укладку сделали. Денег это стоило – немерено! Особенно для студента. Кажется, он отдал 6 рублей. Это на сегодняшние, ну, наверное, тысячи полторы...

Когда мы пришли на «военку», полковник оглядел строй, недовольно посмотрел на нашего модельностриженного сокурсника и сказал:

– Был приказ – постричься! Почему такая неаккуратная прическа? В парикмахерскую – шагом марш!

Пришлось ему отдавать еще 40 копеек...

«Военка» – это было серьезное испытание. Офицеры кафедры были в чинах не ниже майора, а специализация у нас была – «мотострелки», или по-старинному – пехота.

Эти офицеры привыкли командовать другими офицерами, а никакими-то безалаберными студентами, многие из которых не познали еще к тому моменту благостное чувство безответного подчинения любому, даже самому глупому приказу.

По коридорам кафедры летали крылатые фразы вроде:

«Второй взвод на мины шагом марш!.. (имеется в виду занятие по изучению мин)... Ты что – длинный? Так я из тебя двоих сделаю!.. Товарищи студенты, запомните, образование ума не дает... Эй вы, трое, оба ко мне... Сигнал – три зеленых свистка...»

Но занятия проходили не только в стенах кафедр. Мы выезжали в поля. Нас одевали точно так же, как тогда одевали эков – черная шапка-ушанка, черные стеганые штаны, черная телогрейка... Знаков отличия не было. Выглядело это так, как будто где-то взбунтовалась зона, эки захватили оружие и приехали оккупировать город...

Рассказывали, что однажды зимой студенты ехали на занятия в поля как раз мимо поселка Кирпичный, где тогда была зона, а на противоположной стороне дороги стоял сломанный грузовик, и водитель под ним что-то чинил. Офицеры подумали, что надо бы помочь товарищу в беде, остановили машины и приказали трем студентам сбежать и спросить у шофера, нужна ли помощь.

Студенты с оружием в руках и одетые, как я уже описывал, побежали к сломанной машине. Водитель высунулся из-под своего грузовика и увидел, что со стороны Кирпичного к нему бегут вооруженные эки. За обочиной было огромное заснеженное поле... Говорят, шофер бежал по снегу так, как будто на нем были валенки-скороходы...

Итог занятиям на кафедре подводился 90-суточными сборами после окончания 5-го курса.

Но это другая история, которая тянет если не на книгу, то на сборник рассказов – точно...

Зачем нужен английский

Одной из общих дисциплин у нас был иностранный язык. У меня и у Сереги Шахова это был английский.

Серега владел языком отлично. Я тоже в школе имел твердую четверку, может, даже с плюсом. Поэтому тут проблем не наблюдалось.

На первом курсе мы попали к преподавательнице, которую все считали очень строгой. Но как ни странно, мы вполне с ней уживались. Шахов вообще считался её «правой рукой».

И на первом курсе мы еще действительно как-то учили язык. Я помню текст, посвященный университету, где еще говорилось о его тридцатилетнем юбилее! А теперь мы отмечаем уже восьмидесятилетие.

А вот на последующих курсах изучение превратилось в просто переводы.

Мы занимались по журналу «Timber industry of Canada». Надо было переводить тексты из журнала, посвященного канадской лесной промышленности. Приходишь на зачет и говоришь преподавателю – хочу сдать текст на 5000 знаков. Вот кусок, который я перевел! Преподаватель выделяет

из заявленного куска пару абзацев и дает время подготовиться. Садись со словарем и быстро переводить предложенные абзацы. Получилось забавно. Студенты плохо знают язык, преподаватель практически не знает специфики лесной промышленности. Перевод мог звучать так:

«Стремительно резаная стружка, твердо натываясь на зуб пилы, отражается давлением, летя в пустоту кондуктора!..»

Преподаватель слушал эту «пургу» и засчитывал «тысячи».

Вот спроси тогда у студента лесоинженерного факультета, зачем ему нужен английский? И он бы ответил так, как ему на этот вопрос отвечали преподаватели:

– А вот встретишь ты случайно на улице англичанина! (А то они прямо пачками ходили по улицам Советского Союза!), и он у тебя спросит: «А чем социализм лучше капитализма?» (А то англичанину, оказавшемуся на наших улицах, и так не было понятно, он и перся в СССР, чтобы этот вопрос уточнить у встреченного им студента ЛИФа), а ты ему и ответишь!

Ага! Ответишь... Так и вижу, как этот неизвестно откуда взявшийся англичанин схватил за лацканы студента и требует ответ на вопрос всей своей жизни, чем же социализм лучше, а студент ЛИФа ему на карело-русско-английском про «стремительно резаную стружку...»

Вот зачем нужен был английский язык! И знаете, что странно? Я с тех пор встречал англичан и англоговорящих немцев, австрийцев и даже в силу своих возможностей говорил с ними по-английски, но ни один не спросил, чем же социализм лучше!

Забудьте все

Когда мы заканчивали наше обучение, защитили дипломы, кажется, Владимир Павлович Нефедов сказал:

«А теперь забудьте всё, чему вас учили. Учитесь каждый из вас будет заново. Мы сделали главное – научили вас учиться...»

Это очень правильные слова. Мы стали – кто механиком, кто конструктором... А через положенные три года, отработав в месте распределения, многие вообще поменяли специальность. Мои сокурсники работали и преподавателями, и милиционерами, и в КГБ, и в экономике, и на производстве, и еще много где. На наши молодые годы пришлось, а лучше сказать – по ним прошлась Перестройка. Но нас научили учиться. И это самое главное.

Спасибо всем нашим преподавателям. Надеюсь, им за нас никогда не было стыдно!

